

ПРОЩЕНИЕ ДОЛГА КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (часть I)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-109-117>

Современная сложная социально-экономическая ситуация, сложившаяся как в России, так и в большинстве стран мира, обусловленная пандемией новой коронавирусной инфекции и связанная с непомерно высокой нагрузкой на предпринимателей, массовым закрытием предприятий малого и среднего бизнеса, преддефолтным состоянием значительного количества предприятий крупного бизнеса, влечет за собой актуализацию в целом вопросов прекращения обязательств, не связанных с их исполнением. Возросла, в частности, у участников экономической деятельности востребованность такого правового механизма, как прощение долга, что, как предполагается, повлечет за собой новый этап в его правовом исследовании, учитывая значительное количество связанных с ним неразрешенных проблем доктрины, правового регулирования и правоприменительной практики. Целью настоящего исследования является рассмотрение целого ряда актуальных вопросов, связанных с прощением долга. В первой части исследования проведен общетеоретический анализ прощения долга на предмет отнесения его к односторонним или двусторонним сделкам, а также рассмотрено его соотношение с договором дарения. Предметом исследования выступили нормы российского законодательства, регулирующие вопросы прощения долга и существующие в правовой науке взгляды, представления о прощении долга как способе прекращения гражданско-правовых обязательств. Теоретико-методологическую основу работы составили труды ученых-цивилистов, затрагивающих различные аспекты прощения долга. Характер анализируемых вопросов обусловил применение общенаучных методов эмпирического и теоретического исследования: логического, системного и функционального. Системно-правовой подход был применен во взаимодействии с формально-юридическим методом исследования. По результатам проведенного исследования в первой части работы были сделаны выводы о необходимости квалификации прощения долга в качестве двусторонней сделки и способа реализации договора дарения.

ЧЕРЕПАНОВА

Диана Константиновна*

студентка 5-го курса юридического факультета Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

diana.cherepanova97@mail.ru

КОЗЛОВА

Елена Борисовна**

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kozlova@urexpert.ru

**Прощение долга;
прекращение обязательств;
прощение долга как сделка;
дарение;
договор дарения;
намерение одарить**

Diana K. CHEREPANOVA

Fifth-Year Student, All-Russian State University of Justice (Moscow)
diana.cherepanova97@mail.ru

Elena B. KOZLOVA

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)
kozlova@urexpert.ru

DEBT FORGIVENESS AS A GROUND FOR TERMINATION OF OBLIGATION: PROBLEMS OF DOCTRINE, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE (part I)

The current difficult socio-economic situation, which has developed both in Russia and in most countries of the world, caused by the pandemic of the new coronavirus infection and associated with an unreasonably high burden on entrepreneurs, the massive closure of small and medium-sized businesses, the pre-default state of a significant number of large enterprises, entails for itself updating in general the issues of termination of obligations not related to their performance.

* Разделы 1, 2.

** Аннотация, введение.

**Debt forgiveness;
termination of obligations;
debt forgiveness as a deal;
donation;
donation agreement;
intention to bestow**

The demand for such a legal mechanism as debt forgiveness has increased, in particular, among participants in economic activity, which, it is assumed, will entail a new stage in its legal research, given the significant number of unresolved problems of doctrine, legal regulation and law enforcement practice associated with it. The purpose of this study is to address a variety of pressing issues related to debt forgiveness. In the first part of the study, a general theoretical analysis of debt forgiveness will be carried out with a view to attributing it to unilateral or bilateral transactions, as well as its relationship with a gift agreement. The subject of the research is the norms of Russian legislation governing the issues of debt forgiveness and the views existing in legal science, ideas about debt forgiveness as a way to terminate civil obligations. The theoretical and methodological basis of the work was formed by the works of civil scientists, touching upon various aspects of debt forgiveness. The nature of the issues analyzed led to the use of general scientific methods of empirical and theoretical research: logical, systemic and functional. The systemic legal approach was applied in conjunction with the formal legal research method. Based on the results of the study, in the first part of the work, conclusions were drawn about the need to qualify debt forgiveness as a bilateral transaction and a way to implement a donation agreement.

Введение

Современными учеными-правоведами неоднократно отмечалось, что в гражданском праве вопросы оснований прекращения обязательств в целом разработаны недостаточно, и в первую очередь это касается оснований прекращения, не связанных с фактическим исполнением обязательств. Особое место среди таких оснований прекращения обязательств как, наверное, самое противоречивое занимало и продолжает занимать прощение долга, правовое регулирование которого всегда характеризовалось недостаточностью законодательной регламентации, широтой и отсутствием единообразия правоприменительной практики, чему посвящено достаточное количество исследований [1; 2; 3; 4]. В рамках реформы гражданского законодательства прощение долга не получило своего серьезного развития, что позволяет говорить о сохранении всех проблемных аспектов, связанных с доктринальным пониманием и правоприменением данного основания прекращения обязательств.

С другой стороны, следует констатировать возросшую востребованность этого правового механизма у участников гражданского оборота в связи с ухудшением социально-экономической ситуации в условиях непомерно высокой нагрузки на бизнес, закрытия предприятий малого и среднего предпринимательства как в России, так и в зарубежных странах. Так, уже к августу 2020 г., согласно данным аналитической службы Международной аудиторско-консалтинговой сети «FinExpertiza», пандемия новой коронавирусной инфекции повлекла за собой потерю Россией 1 млн 95 тыс. 423 микро-, малых и средних предприятий, или почти каждого пятого бизнеса в этом секторе [5], многие предприятия крупного бизнеса находятся в предефолтном состоянии.

Как отражено в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг., разработанном Министерством экономического развития РФ [6], распространение новой коронавирусной инфекции стало масштабным вызовом и для мировой, и для российской экономики. Траектория развития в кратко- и среднесрочной перспективе будет определяться не только экономическими, но и эпидемиологическими факторами. В связи с этим и прогноз развития страны разработан указанным профильным ведомством в двух вариантах – базовом и консервативном. Базовый – это наиболее вероятный сценарий развития российской экономики с учетом ожидаемых внешних условий и принимаемых мер экономической политики, а консервативный вариант основан на предпосылке о менее благоприятной санитарно-эпидемиологической ситуации в мире, затяжном восстановлении мировой экономики и структурном замедлении темпов ее роста в среднесрочной перспективе из-за последствий пандемии.

Именно в сложившейся сложной экономической ситуации актуализировалась тема прощения долга как основания прекращения обязательств, не связанного с его исполнением, ведь зачастую предприниматели, исходя из интересов сохранения бизнеса, клиентской базы, хозяйственных связей с контрагентами, могут пожертвовать материальным интересом в фактическом исполнении какого-либо конкретного обязательства.

Экономические интересы участников гражданского оборота требуют в современных условиях решения на уровне правовой доктрины, законодательства и правоприменительной практики проблем, связанных с регламентацией отношений прощения

долга. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» [7] (далее – ПП ВС № 6) не смогло внести ясность в понимание правовой природы прощения долга и дать конкретные ответы на иные вопросы, связанные с законодательным регулированием и применением данного правового механизма. В частности, актуальной остается тематика: отнесения прощения долга к числу односторонних или двусторонних сделок; возмездности и формы такой сделки; возможности квалификации прощения долга в качестве договора дарения; соотношения прощения долга с иными способами прекращения обязательств; налоговых последствий прощения долга во взаимоотношениях между коммерческими организациями.

Именно эти аспекты прощения долга и будут рассмотрены в настоящем исследовании, предметом которого в целом выступили нормы российского законодательства, регулирующие вопросы прощения долга, и существующие в правовой науке взгляды, представления о прощении долга как способе прекращения гражданско-правовых обязательств.

1. Правовая природа прощения долга: односторонняя или двусторонняя сделка

В правовой доктрине широко известна дискуссия о количестве сторон в сделке прощения долга. В первую очередь это связано с тем, что закон не дает однозначного указания на правовую природу прощения долга, определяя его лишь как основание прекращения обязательства. Так, согласно ст. 415 Гражданского кодекса РФ [8] (далее – ГК РФ) прощение долга – способ прекращения обязательства посредством освобождения кредитором должника от лежащих на нем обязанностей. Также закреплено, что прощение долга не должно нарушать прав третьих лиц в отношении имущества кредитора (п. 1 ст. 415 ГК РФ). В качестве примера такого нарушения обычно приводится прощение долга в преддверии банкротства кредитора. Моментом прекращения обязательства является получение должником уведомления от кредитора о прощении долга, при условии что должник не направит в ответ возражений на прощение в разумный срок (п. 2 ст. 415 ГК РФ).

Ученые-исследователи расходятся во мнениях по вопросу о количестве сторон рассматриваемой сделки, поэтому необходимо раскрыть две группы взглядов на правовую природу прощения долга. В первую очередь целесообразно рассмотреть менее популярную позицию о том, что прощение долга является односторонней сделкой. Среди сторонников такого подхода наиболее интересным и убедительным представляется мнение А. Г. Карапетова, который трактует

законодательный механизм прощения долга следующим образом: «...за счет одной односторонней сделки (возражения против прощения долга) с обратной силой отменяется правовой эффект другой (уведомления о прощении долга)» [9, с. 796], т.е. перед нами две односторонние сделки, первая из которых может существовать без второй, тогда как вторая может быть лишь ответом на первую. Автор также отмечает, что на односторонний характер сделки указывает закрепленный в ст. 415 ГК РФ момент прекращения обязательства – получение должником уведомления от кредитора. Указание на момент прекращения обязательства отсутствовало в законодательстве до 2015 г. [10], в связи с чем невозможно объяснить позицию законодателя просто длительным невнесением изменений в ГК РФ, ситуацией, когда закон «отстает» от действительности. Однако А. Г. Карапетов также отмечает, что «наиболее разумным подходом было бы признание прощения долга соглашением, так как игнорировать волю должника в вопросе прощения долга было бы неверно» [9, с. 796], даже несмотря на то, что отказ должника от прощения долга является на практике довольно редким явлением. Данная позиция заслуживает внимания хотя бы потому, что она основывается на прямом толковании закона даже при условии, что, по мнению самого исследователя, прощение долга должно носить двусторонний характер.

Как справедливо отмечает М. А. Егорова, признание прощения долга односторонней сделкой порождает неблагоприятные последствия, так как к нему не будут применяться запреты, установленные для договора дарения, что предоставит «возможность коммерческим организациям совершать сделки, по существу направленные на дарение, путем совершения мнимых односторонних действий по прощению долга, приводящих к явной имущественной выгоде должников» [11, с. 39]. Некоторые исследователи, однако, не видят в этом большой проблемы, так как считают, что запрет на дарение между коммерческими организациями необходимо отменить [12]. Данная позиция основывается на том, что запрет такой формы дарения на сегодняшний день носит исключительно идеологический характер, так как коммерческие организации, чья деятельность направлена на извлечение прибыли, не могут обладать намерением одарить. Однако с практической точки зрения, возможно, отмена данного запрета решила бы проблемы реализации прощения долга. Высокие налоговые ставки на дарение могли бы компенсировать государству такое разрешение, а также являлись бы сдерживающим фактором для тотального заключения договоров дарения между коммерческими организациями.

Если признавать прощение долга односторонней сделкой, также невольно прослеживается сходство ее правовой природы с отказом от иска или части ис-

ковых требований. Общее доктринальное понимание отличий этих институтов заключается в том, что, во-первых, отказ от иска является процессуально-правовым, а прощение долга материально-правовым институтом, во-вторых, целью отказа от иска является прекращение судебного разбирательства, но не самого обязательства. Отказ от иска, как правило, порождает совершенно иные мотивы, такие как оценка сильных контрдоводов ответчика и сомнение в удовлетворении исковых требований, а также экономия финансовых средств и времени на судебное производство, которые превышают стоимость потенциальной выгоды от успешного разрешения дела.

Верховный Суд РФ в п. 35 ПП ВС № 6 также подтвердил такое доктринальное понимание данного соотношения: «Отказ от иска или части исковых требований по спору об исполнении обязательства сам по себе не означает прощение долга и не влечет прекращения обязательства». Однако определенные схожие черты у данных институтов все же есть: невозможность обращения за судебной защитой между теми же сторонами и о том же предмете после отказа от иска напоминает правовые последствия прощения долга, так как в обоих случаях получить исполнение обязательства будет невозможным.

А. А. Павлов [13], например, считает отказ от иска «процессуальной формой» прощения долга. Вопреки данному суждению, представляется, что процессуальной формой выражения прощения долга выступает скорее мировое соглашение, т.е. прощение является, например, одним из его условий, что неоднократно демонстрируется в судебной практике.

Наиболее распространенным мнением является убежденность в двустороннем характере прощения долга. Так, в римском праве прототип института прощения долга существовал именно в качестве договора – акцептиляции (*acceptilatio*, от латинского выражения *acceptum ferre* – «считать полученным») [14, с. 327]. Акцептиляция представляла собой формальный акт уничтожения долгового обязательства, т.е. кредитор заявлял о полученном исполнении обязательства, тогда как на самом деле исполнения не происходило. Договорная природа проявлялась в том, что, во-первых, акцептиляция являлась разновидностью воображаемого платежа, который всегда носил характер соглашения, а во-вторых, акцептиляция фактически представляла собой заданный кредитору должником вопрос: «То, что я тебе обещал, получил ли ты?» и ответ кредитора: «Я получил» [14, с. 327]. Разумеется, современное понимание и реализация прощения долга в рамках российской действительности претерпели значительные изменения, однако два института сквозь время по-прежнему объединены общей идеей и целью – безвозмездно прекратить обязательство, не порождая нового, достигнув при этом обоюдного согласия.

Договорная природа прощения долга признается рядом зарубежных правовых порядков. Так, в Германском гражданском уложении 1896 г. прощение долга реализуется с помощью следующей конструкции: «Кредитор особым договором с должником признает, что обязательство прекратилось» [15, с. 96]. Во Французском гражданском кодексе 1804 г. прощение долга именуется «добровольным отказом кредитора от своего права» [15, с. 97] и закрепляется в перечне способов прекращения обязательств вследствие соглашения сторон.

Мнения о двустороннем характере прощения долга придерживались в своих работах, в частности, известные современные цивилисты Е. А. Суханов [16, с. 44], М. И. Брагинский и В. В. Витрянский [17, с. 261]. Все они основывали свою позицию на том, что прощение долга является разновидностью договора дарения и именно поэтому является двусторонней сделкой. Е. А. Крашенинников также разделял позицию о двустороннем характере: «Прощение долга имеет договорную природу и может быть осуществлено не иначе как с согласия должника» [18, с. 77]. Стоит отметить, что все эти исследователи высказывали свою позицию в работах, написанных до внесения изменений, которые определили момент прекращения обязательства.

Но правовая проблема не была бы таковой, если бы вразрез с законом и доктриной не шла судебная практика.

До выхода ПП ВС № 6 в судебных решениях встречалось отражение обеих указанных выше точек зрения. Так, в марте 2020 г. в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда [19] коллегия фактически признала сделку по прощению долга односторонней. Перед судом встал вопрос о последствиях неполучения должником уведомления о прощении долга: будет ли долг в таком случае считаться прощенным? Суд признал прощение состоявшимся, указав на п. 67 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25: «Если в юридически значимом сообщении содержится информация об односторонней сделке, то при невручении сообщения по обстоятельствам, зависящим от адресата, считается, что содержание сообщения было им воспринято, и сделка повлекла соответствующие последствия» [20].

В большинстве судебных актов, в которых сделка по прощению долга квалифицирована как двусторонняя, суд основывал свой вывод на ее связи с договором дарения. Данные позиции будут рассмотрены далее.

Флагманом правовых позиций по рассматриваемому вопросу является п. 34 ПП ВС № 6, в котором Верховный Суд РФ разъяснил, что «прощение долга представляет собой двустороннюю сделку с подразумеваемым, по общему правилу, согласием должника на ее совершение: обязательство считается прекра-

щенным с момента получения должником уведомления кредитора о прощении долга, если иное не предусмотрено соглашением сторон».

С одной стороны, Верховный Суд РФ предпринял попытку остановить споры о количестве сторон в рассматриваемой сделке, однако тут же отступил от своего намерения внести ясность – указал на «общее правило» о согласии, из которого, видимо, возможны исключения. Если согласие должника подразумевается, значит, его направление кредитору не является обязательным. Возможно, суд в своей позиции исходил из сложившейся практики: отказ должника от прощения долга кредитором – довольно редкое явление, практически во всех случаях направление согласия – формальная процедура, оно действительно просто подразумевается. Таким образом, если должник не возразил на уведомление о прощении долга, значит, выразил свое согласие (презумпция согласия). Однако молчание не является акцептом, если иное не установлено законом, соглашением, обычаем или не следует из прежних деловых отношений сторон (ст. 438 ГК РФ). Можно ли считать прощение долга законодательным исключением из правила данной нормы? Если презюмировать, что прощение долга – двусторонняя сделка, то для ее заключения необходимо волеизъявление двух сторон.

Представляется, что единственным выходом из правовой неопределенности, которую теперь добавил Верховный Суд РФ, является признание согласия должника обязательным, но возможным в виде акцепта, выраженного молчанием. Однако, как верно отмечает А. Г. Карапетов, «кредитор направляет должнику не предложение о прощении долга, а уведомление и... долг считается прощенным с момента получения такого уведомления» [9, с. 796], а в случае, когда акцепт выражен молчанием, моментом заключения соглашения о прощении долга будет являться истечение срока на акцепт (возражение), но не момент доставки оферты (уведомления). Поэтому акцепт молчанием в данной ситуации противоречил бы положениям п. 2 ст. 415 ГК РФ.

Верховный Суд РФ разделил и точку зрения тех, кто считает рассматриваемую сделку односторонней, указав на то, что момент прекращения обязательства прощением долга может устанавливаться соглашением сторон. Представляется, что такое разъяснение являет собой пример неуместно расширительного толкования закона, поскольку ст. 415 ГК РФ такой возможности не предоставляет и положение о моменте прекращения обязательства является императивной нормой, тогда как Верховный Суд РФ расценил его как диспозитивное.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о расхождении разъяснений Верховного Суда РФ и судебной практики в целом с положениями ГК РФ.

Законодатель указывает на односторонний характер прощения долга, говоря об «уведомлении» кредитором должника, а также конкретизируя момент прекращения обязательства. Судебная практика соглашается с моментом прекращения, но называет сделку двусторонней.

Представляется очевидным, что признание волеизъявления должника обязательным необходимо по следующим причинам. Во-первых, может возникнуть ситуация, при которой кредитор прощает не признанный должником долг. Прощение долга всегда предполагает его признание должником: без признания невозможно прощение. Кредитор не может в одностороннем порядке простить долг, который не был в установленном порядке признан должником: например, сторона признала претензию кредитора, внесла изменения в договор, попросила об отсрочке платежа и другие способы [21]. Во-вторых, односторонний характер рассматриваемой сделки существенно нарушает право должника на возражение, создается ситуация навязывания должнику воли кредитора. Должник становится в большей степени зависим от надлежащего уведомления, потому что именно уведомление прекращает обязательство, а не возможное согласие должника. У должника – коммерческой организации есть достаточные мотивы быть не согласным с прощением: это та имущественная выгода или экономический интерес, на которые ссылается кредитор, прощая долг.

Однако, признавая договорный характер прощения долга, мы сталкиваемся с проблемой его соотношения с соглашением об изменении условий договора. Можно ли считать прощение долга изменением условий договора? Ни закон, ни судебная практика на сегодняшний день не разрешает данный вопрос. Если да, то такое изменение, согласно п. 1 ст. 452 ГК РФ, должно совершаться в той же форме, что и договор, если законом, иными правовыми актами, договором или обычаями не предусмотрено иное. В таком случае, если прощается обязательство, например, из договора, для которого предусмотрена обязательная нотариальная форма заключения, прощение долга должно заключаться в том же порядке.

Также при рассмотрении института прощения долга в качестве двусторонней сделки нельзя отождествлять прекращение обязательства прощением долга с прекращением обязательства в связи с расторжением договора, так как в рамках синаллагматического договора расторжение имеет другие правовые последствия: так, например, при прощении долга по обязательству в рамках купли-продажи обязательство уплатить покупную цену прощается, но товар не возвращается продавцу, тогда как при расторжении договора на стороне исполнившего обязательство контрагента происходит неосновательное

обогащение, что порождает возможность истребования полученного по договору [13].

Таким образом, прощение долга необходимо на уровне правовой доктрины квалифицировать как двустороннюю сделку, учитывая, что в данном случае определение количества сторон в сделке – не просто теоретическая проблема или «спор ради спора», поиск ответа обладает своей практической ценностью. Во-первых, достижение единого мнения позволит ответить на вопрос о том, возможно ли встречное предоставление в рамках сделки прощения долга, т.е. может ли прощение долга быть построено по модели возмездного договора или такая конструкция автоматически превращает прощение в другие способы прекращения обязательств (новацию, отступное). Во-вторых, четкое знание о количестве сторон в сделке поможет установить наконец границы между прощением долга и договором дарения.

2. Прощение долга и договор дарения

Проблема соотношения прощения долга и договора дарения стоит в правовой доктрине и юридической практике не менее остро. В ст. 572 ГК РФ избавление должника от лежащей на нем имущественной обязанности, по сути являющееся прощением долга, закреплено в качестве одного из способов дарения. В связи с установленным запретом дарения между коммерческими организациями (ст. 575 ГК РФ) такой способ прекращения обязательства, как прощение долга, оказался для большинства предпринимателей во взаимоотношениях между собой недоступным. И если закон не дает однозначного ответа на вопрос о применении запретов для дарения к прощению долга, то правовая доктрина и судебная практика провели границу между данными институтами и фактически «разблокировали» прощение долга для коммерческих организаций с помощью введения одного важного условия квалификации прощения долга – «отсутствия намерения одарить должника».

Для начала стоит отметить, что еще при зарождении способов прекращения обязательства в начале тысячелетия с принятием ГК РФ идею о тождественности договора дарения и прощения долга отразили в своих работах многие известные ученые [17, с. 261]. Так, профессор Е. А. Суханов отмечал: «...речь идет о разновидности дарения, требующего, следовательно, согласия должника, поэтому к прощению долга применимы правила о договоре дарения, в том числе о запрете и ограничении возможностей дарения» [16, с. 44], т.е. фактически выступал за невозможность использования прощения долга в качестве способа прекращения обязательств между коммерческими организациями.

А. Г. Карапетов в свою очередь как сторонник одностороннего характера прощения долга не отождествляет данную сделку с договором дарения ни полно-

стью, ни в части. Исследователь трактует «избавление должника от имущественной обязанности» как «реализацию договора дарения» через одностороннюю распорядительную сделку – прощение долга: дарственное обещание «лишь порождает обязанность дарителя простить долг, но не прекращает соответствующее требование. Его прекращение осуществляется в рамках самостоятельного волевого акта (прощения долга)» [9, 793], т.е. такой договор дарения может быть построен лишь по конструкции «сделка в сделке» – осуществляется через одностороннюю распорядительную сделку по прощению долга. Представляется, что такая неоправданно сложная правовая конструкция возникла в связи с явным расхождением положений закона со сложившейся практикой и попыткой привести их «к общему знаменателю».

О сущности распорядительной сделки в рамках научных дискуссий слагаются легенды как об институте, который заимствован из германского права и пока объективно не существует в рамках российской правовой действительности, но непременно существовать должен. Однако, как бы ни развивалась правовая доктрина и последующая судебная практика в данном направлении, «привязать» к ней прощение долга не представляется возможным.

Во-первых, распоряжение не может предполагать какого-либо возражения на него со стороны контрагента, должник не может ограничивать «распорядительную власть» кредитора, что противоречит самой конструкции прощения долга. Во-вторых, концепция распорядительной сделки предполагает ее абстрактность, т.е. независимость и обособленность правовых последствий от судьбы основного обязательства. Если представить, что договор дарения расторгнут по причине отказа одаряемого от дара, какова судьба распорядительной абстрактной сделки по прощению долга внутри данного обязательства?

В целом можно сделать вывод о том, что сторонники отождествления институтов дарения и прощения долга низводят прощение долга до сделки, которая не может быть реализована самостоятельно, а лишь в рамках и на основании другого соглашения, в том числе дарения. Таким образом, чтобы простить долг, не идентифицируя его в качестве договора дарения, необходимо объединить три правовые конструкции: договор, обязательство из которого прекращается; договор, в основание которого будет положено прощение долга; одностороннюю сделку по прощению долга. Встает вопрос о целесообразности такой сложной конструкции на практике: не слишком ли много оправданий для одного лишь признания сделки односторонней? Ведь все эти манипуляции производятся с единственной целью – не отождествлять договор дарения и прощение долга ни полностью, ни в части.

Сторонники данной позиции также указывают на несоответствие российской пандектной системе права концепции признания прощения долга разновидностью дарения. Правовое регулирование прощения долга закреплено в общей части ГК РФ, тогда как регулирование договора дарения – нормами особой части. В действительности в данном случае довольно трудно определить замысел законодателя: зачем помещать в общие положения один из видов договора дарения? Встает вопрос исключительно о соотношении законодательных формулировок «прощение долга» и «избавление от имущественной обязанности». Закон не устанавливает их разграничения, называя разными терминами действия, которые на практике не будут с достаточной степенью отличны друг от друга.

Главный аргумент в защиту непризнания прощения долга дарением заключается в том, что дарение порождает обязательство, тогда как прощение долга всегда прекращает его; таким образом, у данных институтов выявляются противоречащие друг другу цели совершения. Если бы эта аксиома имела практическое значение, то законодатель не стал бы вводить избавление от имущественной обязанности в качестве способа реализации договора дарения.

Представляется, что наиболее точным взгляд на проблему разграничения прощения долга и договора дарения предложил А. М. Эрделевский, который утверждает, что «прощение долга вовсе не обязательно является разновидностью дарения; дарение же в виде освобождения одаряемого от обязанности по отношению к дарителю всегда является одновременно и прощением долга» [22, с. 14]. Таким образом, он справедливо выделяет две разные формы реализации прощения долга на практике: в качестве разновидности договора дарения и в качестве самостоятельной сделки.

Судебная практика, особенно после выхода ПП ВС № 6, предоставляет однозначную правовую позицию о разграничении данных институтов. Первым шагом к поиску баланса стало Информационное письмо ВАС РФ от 21 декабря 2005 г. № 104 [23], в котором давались следующие разъяснения: «...прощение долга является дарением только в том случае, если судом будет установлено намерение кредитора освободить должника от обязанности по уплате долга в качестве дара». Далее в 2018 г. Арбитражный суд г. Москвы в своем решении указал на то, что «об отсутствии намерения кредитора одарить должника может свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству между теми же лицами» [24]. Обе правовые позиции нашли свое подтверждение в п. 31 ПП ВС РФ № 6: «Прощение долга не свидетельствует о заключении договора да-

рения, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника». Как указывает Верховный Суд РФ, «об отсутствии такого намерения могут свидетельствовать, в частности: взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству (например, признанием долга, отсрочкой платежа по другому обязательству, досудебным погашением спорного долга в непросщенной части и т.п.); достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, и т.п.».

Данные положения не являются новеллой в судебной практике, однако они впервые сформулированы и представлены в качестве позиции Верховного Суда РФ. В чем же ее принципиальная уникальность и явное противоречие законодательству и концепции односторонней сделки? Такая позиция однозначно разделила институт прощения долга на две формы его существования: первая – в качестве способа реализации договора дарения и вторая – в качестве самостоятельной сделки, прекращающей обязательство. Стоит отметить, что такое деление актуально лишь в рамках прощения долга между коммерческими организациями, потому что по сути для остальных участников гражданского оборота абсолютно неважно, будет ли сделка признана способом дарения или прощением долга: во-первых, это не повлечет принципиально различных правовых последствий, а во-вторых, и то, и другое является для них допустимым. Коммерческие организации же во взаимоотношениях между собой могут избрать только второй вариант заключения сделки по прощению долга. Существенное отличие одной формы существования от другой заключается в обязательном указании на отсутствие *animus donandi* – «намерения одарить» должника. У кредитора должна быть имущественная выгода от прощения долга. На практике чаще всего встречаются случаи признания судом в качестве имущественной выгоды факта признания долга должником и погашения его в непросщенной части в досудебном порядке [23]. Таким образом, кредитор тем самым взыскивает хотя бы часть долга (например, основную сумму, прощая проценты и неустойку), не растрачивая время на длительные судебные разбирательства. Иным экономическим интересом, как представляется, может выступать желание кредитора сохранить компанию-должника на рынке в качестве своего контрагента, доказав, что интересы его собственной компании пострадают в результате поиска нового контрагента.

Если квалифицирующим признаком прощения долга (избавления от имущественной обязанности) как способа реализации договора дарения выступает *animus donandi*, предполагающий безвозмездный характер такого прощения, то квалифицирующим признаком прощения долга между коммерческими

организациями становится его отсутствие. Таким образом, правоприменительная практика фактически вводит новое важное условие для заключения сделки по прощению долга, которое не имеет своего зако-

нодательного закрепления, но без указания которого в уведомлении сделка может быть признана судом способом реализации договора дарения, т.е. недействительной для коммерческих организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Серветник А. А. Прощение долга как основание прекращения обязательства : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
2. Ноздрачева А. Ю. Прощение долга: анализ актуальной судебной практики // Судья. 2020. № 9. С. 36–42.
3. Ноздрачева А. Ю. Обзор судебной практики по вопросу соотношения института прощения долга со смежными правовыми конструкциями // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 7. С. 202–223.
4. Чайка И. В. Прекращение обязательств по основаниям, не связанным с их фактическим исполнением: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007.
5. В России за год закрылись более миллиона предприятий МСП // Росбалт : сайт. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/08/14/1858568.html> (дата обращения: 07.01.2021).
6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (дата обращения: 07.01.2021).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017.
10. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
11. Егорова М. А. Прощение долга : новый взгляд на старые проблемы // Юридический мир. 2012. № 1. С. 35–41.
12. Иванов А. А., Карапетов А. Г. Прекращение обязательств. Прощение долга, невозможность исполнения (передача 193) // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/02/prekraschenie_obyazatelstv_proschenie_dolga_nevozmozhnost_ispolneniya_peredacha_193 (дата обращения: 07.01.2021).
13. Павлов А. А. Прекращение обязательств. Авторский онлайн-курс // LF Академия : сайт. URL: <https://lfacademy.ru/c/course/2980244> (дата обращения: 07.01.2021).
14. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : КНОРУС, 2014.
15. Серветник А. А. Прощение долга в гражданском праве иностранных государств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 6 (89). С. 94–99.
16. Гражданское право : в 4 т. Т. 3 : Обязательственное право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005.
17. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая : Общие положения. 3-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001.
18. Крашенинников Е. А. О прощении долга // Хозяйство и право. 2002. № 10. С. 76–82.
19. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 марта 2020 г. по делу № А53-14913/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // СПС «КонсультантПлюс».
22. Эрделевский А. М. Прощение долга и договор дарения // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 12–14.
23. Информационное письмо Высшего арбитражного суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм ГК РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

24. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 22 марта 2018 г. по делу № А40-212445/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Servetnik A. A.* Forgiveness of Debt as a Basis for Termination of Obligation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2009.
2. *Nozdracheva A. Iu.* Forgiveness of Debt: Analysis of Current Judicial Practice. *Judge*. 2020. No. 9.
3. *Nozdracheva A. Iu.* Review of Judicial Practice on the Relationship Between the Institution of Debt Forgiveness and Related Legal Structures. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019. No. 7.
4. *Chaika I. V.* Termination of Obligations on Grounds Not Related to Their Actual Performance: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Ryazan, 2007.
5. More Than a Million SMEs Closed in Russia in a Year. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/08/14/1858568.html> (date of the application: 07.01.2021).
6. Forecast of Socio-Economic Development of the Russian Federation for 2021 and for the Planning Period 2022 and 2023. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (date of the application: 07.01.2021).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 June 2020 No. 6 "On Some Issues of Application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Termination of Obligations" (SPS "ConsultantPlus").
8. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
9. *Karapetov A. G. (ed.)*. Contractual and Obligation Law (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2017.
10. Federal Law of 8 March 2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 10. Art. 1412.
11. *Egorova M. A.* Forgiveness of Debt: A New Look at Old Problems. *Legal World*. 2012. No. 1.
12. *Ivanov A. A., Karapetov A. G.* Termination of Obligations. Forgiveness of Debt, Impossibility of Performance (Transfer 193). URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/02/prekraschenie_obyazatelstv_proschie_dolga_nevozmozhnost_ispolneniya_peredacha_193 (date of the application: 07.01.2021).
13. *Pavlov A. A.* Termination of Obligations. Author's Online Course. URL: <https://ifacademy.ru/c/course/2980244> (date of the application: 07.01.2021).
14. *Novitsky I. B., Peretersky I. S. (eds.)*. Roman Private Law: Textbook. Moscow: KNORUS, 2014.
15. *Servetnik A. A.* Forgiveness of Debt in the Civil Law of Foreign States. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012. No. 6 (89).
16. *Sukhanov E. A. (ed.)*. Civil Law. In 4 vols. Vol. 3: Obligatory Law: Textbook. 3rd ed. Moscow: Wolters Kluwer, 2005.
17. *Braginskii M. I., Vitrianskii V. V.* Contract Law. Book One: General Provisions. 3rd ed. Moscow: Statut, 2001.
18. *Krashennnikov E. A.* On Debt Forgiveness. *Economy and Law*. 2002. No. 10.
19. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of 5 March 2020 in case No. A53-14913/2019 (SPS "ConsultantPlus").
20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 June 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Some Provisions of Section I of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").
21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 September 2015 No. 43 "On Some Issues Related to the Application of the Rules of the Civil Code of the Russian Federation on the Limitation Period" (SPS "ConsultantPlus").
22. *Erdelevskii A. M.* Forgiveness of a Debt and a Donation Agreement. *Russian Justice*. 2000. No. 3.
23. Information Letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 21 December 2005 No. 104 "Review of the Practice of Application by Arbitration Courts of the Norms of the Civil Code of the Russian Federation on Some Grounds for Termination of Obligations" (SPS "ConsultantPlus").
24. Decision of the Moscow Arbitration Court of 22 March 2018 in case No. A40-212445/2017 (SPS "ConsultantPlus").